

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ МОСКВА, НОЯБРЬ 1932 г.

КРОКОДИЛ

№ 32

Цена 25 коп.

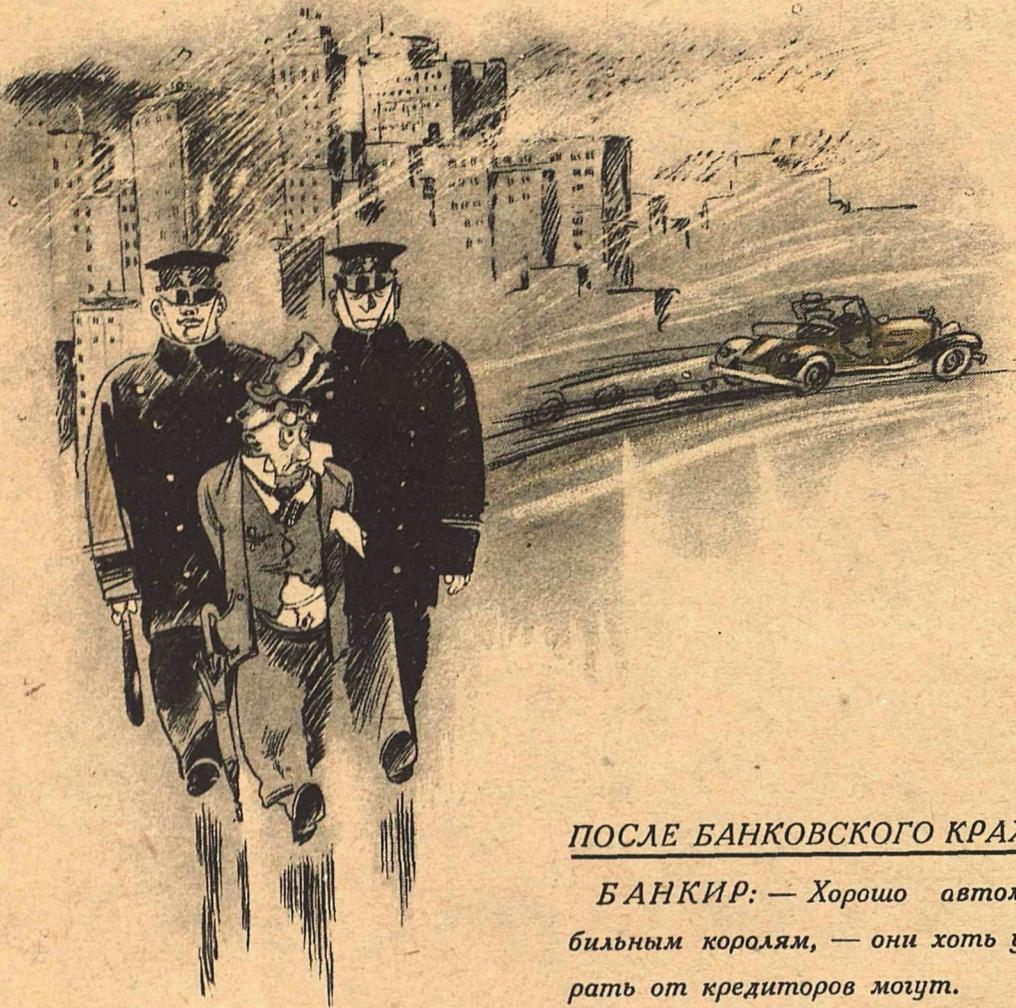
Ураице - Сибирское издание

Этот номер „Крокодила“ выходит в 3 изданиях: основное, ленинградское и урало-сибирское.

Н. Ротов

ЭВОЛЮЦИЯ „БУРЕВЕСТНИКА“

ПОСЛЕ БАНКОВСКОГО КРАХА

БАНКИР: — Хорошо автомобильным королям, — они хоть ударить от кредиторов могут.

I.
ВАШ ЮБИЛЕЙ в литературном цехе
 Прошел под знаком нынешнего дня.
 Вы думаете: „Говорят о смехе, —
 Так позабыть не могут и меня!“
 И правильно: забытого поэта
 На вольный воздух волокут уже,
 И смех цветет, с улыбки сняли вето, —
 Вам нравится ли это,
 Товарищ Беранже?

II
 И вот проделан творческий анализ,
 И выявлено ваше мастерство!
 А прежде как о вас же отзывались!
 „Малоформист — и больше ничего!
 Писал себе какие-то куплеты
 О бодрости, любви и мятеже!
 Ему в большом искусстве места нету“.
 Вам нравилось ли это,
 Товарищ Беранже?

III
 Поэты наши намудрили вдосталь,
 А ваша простота — сегодня клад!
 Итти за вами — это значит просто
 Итти вперед, а вовсе не назад!
 Нет, ваша песенка еще не спета,
 Она претит педанту и ханже,
 В ней много ласки и тепла и света.
 И нравится нам это,
 Товарищ Беранже!

IV
 Вы как поэт честны и бескорыстны.
 Вот он, Париж Киappa и Тардые,
 Они для вас должны быть ненавистны
 При вашем на мошенников чутье.
 Идите к нам, одна шестая света
 Вас перечтет в повторном тираже.
 Вот предложение от Страны советов, —
 Вам нравится ли это,
 Товарищ Беранже!

V
 Поверьте мне, что с нами поработав,
 Вы молодость узнали бы опять,
 Вы указали б на „Искарриотов“
 И „червяков“ смогли бы отыскать.
 Вы притянули б пошляка к ответу,
 Нашли бы всех примазавшихся „лже“.
 Работа есть, — на правду нет запрета!
 Вам нравится ли это,
 Товарищ Беранже!

Арго.

ТРУДНОЕ ВРЕМЯ

(Недоуменный монолог тов. Баррикадова)

КТО-ТО распустил странный слух, что беспартийные тоже могут быть допущены к строительству социализма. Больше того, без них будто бы и построить нельзя! Я еще этот слух не проверил, — газеты мне читать некогда, но уже замечаю: беспартийная бражка нос задрала, строит, ударничает, во все сует нос, чувствует себя, как дома, и на меня смотрит без страха, словно я им товарищ.

Со мной даже случилась такая история. По чьей-то интриге или ради сведения личных счетов меня послали помзамом в Сельпромтропкооп, в магазин № 8 — торговать керосином и картошкой. И хотя бы заведующим, а то помощником. Стоило для этого делаться революционером. Я, конечно, возражал, но против интриги ничего не поделаешь.

— Ответственнойший, — говорит, — участок. Должен гордиться. Иди и борись!

А чем тут гордиться? За что бороться? Картошку продавать? Слыхал ли кто хотя бы песню про потребиловку? Думаю, не слышали. Песни поются про Ворошилова, про мировой пожар, про „Нас побить, побить хотели“, но вовсе не про торговлю керосином и овощами.

Я, правда, раз слышал что-то подходящее к кооперативу, но не совсем уверен:

„Стояли мы...
 На берегу Невы“...

Но на чем именно стояли, я так и не разобрал. Но дело не в этом. Рассказ идет не о песнях, а про задирание носа и неуважительность бражки.

Прихожу в магазин. Нашел заведующего. Оказался с бородой и вообще старорежимного калибра. Вид верующий.

— Очень хорошо, — говорит. — А что вы умеете делать?
 — Как что делать? Я, — говорю, — партийный, — и показываю ему билет.

Он, конечно, сразу задрал свой спецовский нос и стал издеваться.
 — Очень хорошо, нам нужны партийцы. Но что конкретно вы умеете делать?

— Все могу.
 — Прекрасно. А капусту умеете рубить?
 — Капусту? Нет, капусту не умею. Голову срубить мировой буржуазии могу, а до капусты еще не опускался.

— Очень жаль, перспектив, конечно, терять не следует, но всякому овощу свое время. Сейчас нужно рубить именно капусту. Нужно уметь ее посолить, заквасить. Ничего, научитесь!

Вижу, — издевается, скотина. Однако вежливо отвечаю:

— Я как революционер мечтаю не о кислой капусте, а о работе геройской. Вы понимаете чего-нибудь, как на войне опасная разведка, налететь на пехоту, рассеять ее с криками „ура“, взять в плен? Или уличный бой с мировыми фашистами на баррикадах! Вам, дорогой капустный папаша, таких вещей не понять!

Сгоряча даже ударил себя в грудь.

А он ухмыляется.
 — Отчего же не понять? В торговом деле тоже не мало требуется героизма. Поедете на закупку, — вот вам и опасная разведка! Того гляди, — взятку подсунут. На рынке не дремлют классовый враг и хищники. Пехоту желаете рассеять, — пожалуйста: справьтесь с очередями. Организуйте хорошо дело, — и пламенные пайщики тебе будут кричать „ура“ на общем собрании.

А насчет баррикад, — пожалуйста на двор: там целые горы ящиков и бочек, мы никак не можем справиться с ними.

Тут я не вытерпел:
 — Вы мне ваньку не ваяйте. Вы хотя и заведующий, но я прошу революционных идеалов не трогать. Я спецов признавать могу, но выражаться им не позволю.

Он же нагло в ответ:

— Вот чудак! Да это же директивы партии на сегодняшний момент.

— Ладно, мы поговорим об этом в другом месте.

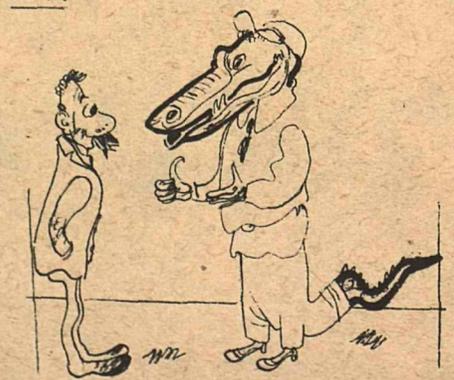
Повернулся я и ушел. Ну, вы только подумайте, до чего распустилась и охамела бражка! Завтра же пойду за новым назначением. Разве можно работать с таким наглым типом?

Полный скандал! Можете себе представить, он оказался не спец, а старый партиец.

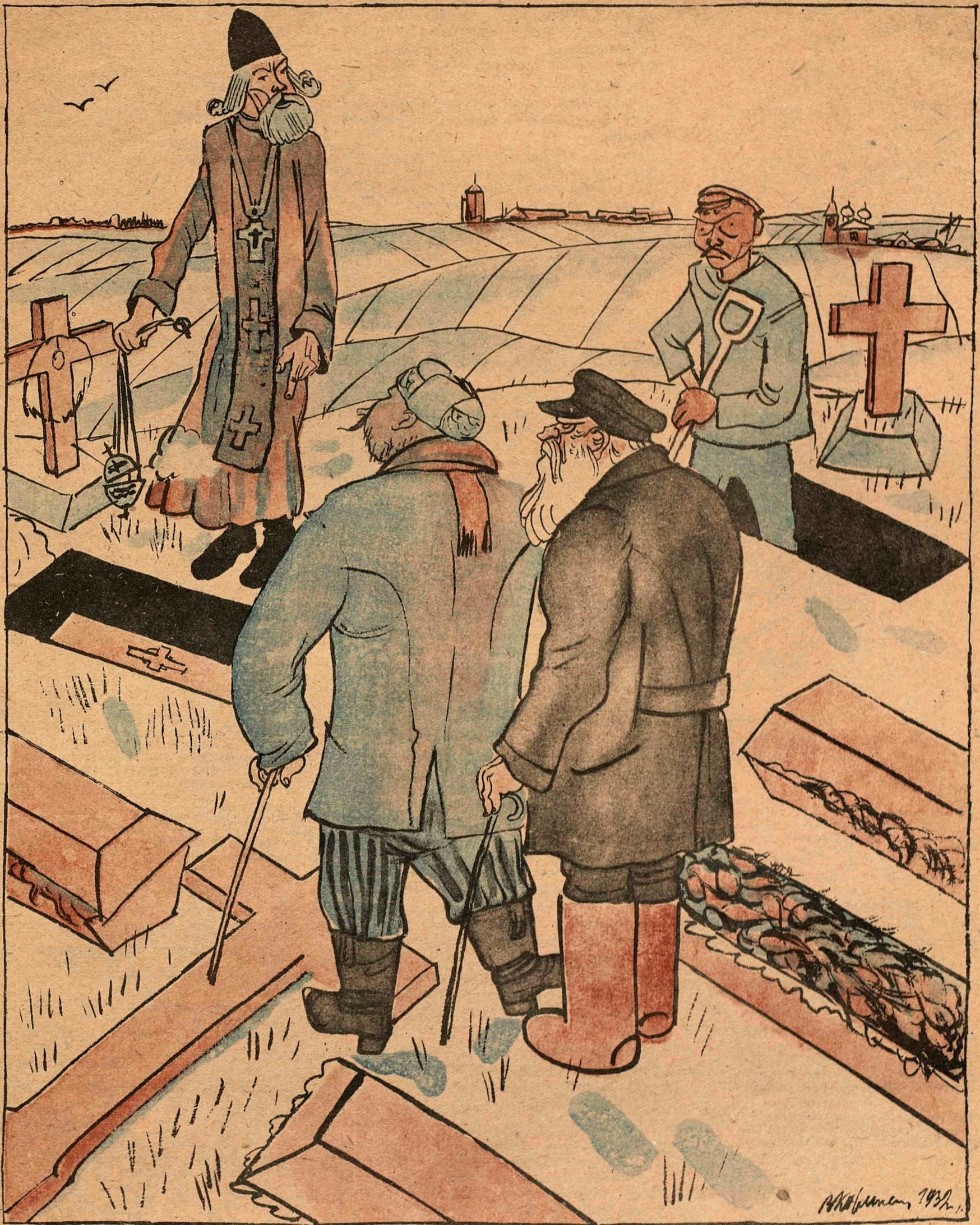
Ничего не понимаю. Интриги тут или сведения личных счетов? И главное, что же мне теперь делать: неужели учиться рубить капусту?..

Б. Самсонов.

К. Р.

— Скажите, тов. „Крокодил“, а в этом номере у вас есть какой-нибудь „звезда“?
 — Еще какой! Пойдемте, — покажу! (См. страницу 4)

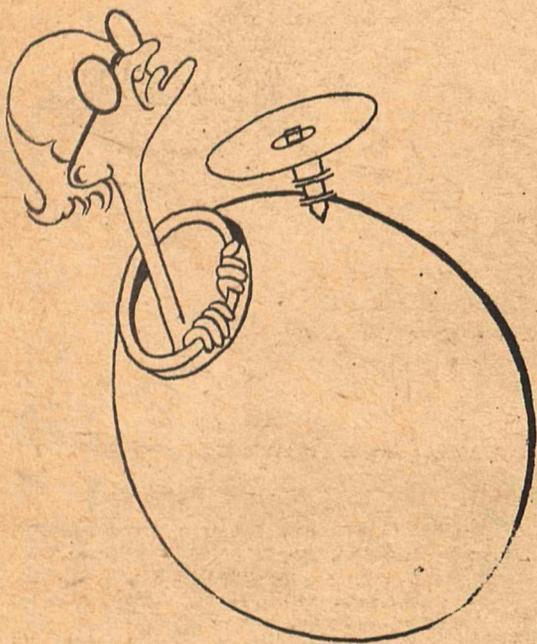

ПО ВСЕМ ПРАВИЛАМ

— „Прими, господи, душу усопшего раба“... Гоните, черти, еще по три рубля с мешка, а то овощей отпавать не буду!

В последние месяцы советские летчики поставили несколько мировых рекордов по прыжкам на парашютах.

В. Брискин

ПРОФЕССОР ПИКАР: — Одно из двух: или я мелко плаваю или их авиация действительно на большой высоте.

АХ, ТО БЫЛ СОН...

(Современный романс)

МНЕ СНИЛСЯ сон, что в нашей хлебной лавке
Ни очереди нет ни потной давки,
Пол подметен, прилавок бел и чист
И хлеб ноздрястый легок и душист.

Мне снился сон, что я сижу в трамвае,
И ветерок, сквозь окна продувая,
Ласкает щеки бодрим холодком.
Я еду — и не висну ни на ком.

Мне снился сон, что не испортив крови,
Я кучу дел наладил и устроил,
А вечером легко попал в кино,
Где было интересно и смешно...

Мне снились сны... И я проспал работу.
И, просыпаясь, я спросил кого-то:
— Как сделать, чтобы сон мог явью стать?
И мне сказали: „Меньше надо спать“.

В. К.

ПЕРВЫЙ ОБЕД

ВИЛЛИ МАЙКЕЛЬ не принадлежал ни к одной политической партии. Более того, Вилли Майкель, по примеру президента своего профсоюза, был врагом политики.

— Политика — это занятие для бездельников. Политика — для политиканов. Мы, рабочие, должны придерживаться только экономической борьбы.

Двадцать лет, как заведенный механизм, Майкель каждое утро уходил на работу и вечером возвращался к себе домой. Двадцать лет он каждую субботу нес домой недельную порцию, делал покупки и откладывал на „черный день“ несколько центов.

Крах процветания и кризис нарушили нормальное течение его жизни.

Вилли Майкель лишился своей квартиры, ванны, субботнего жалования, покупок, чековой книжки, а главное — работы.

Оставив уютную квартирку с ванной, Вилли переселился в новое „комфортабельное“ помещение.

Если от Канал-стрит пойти по направлению к западу, то вы непременно придете к большому двенадцатиэтажному дому. Это здание желтой лжесоциалистической газеты „Форвертс“. Перед зданием „Форвертс“ — небольшой сквер, а за сквером — здание городской уборной, выстроенной городским муниципалитетом Нью-Йорка.

В уборной муниципалитета безработные чувствуют себя неприкосновенными. Здесь царит полная свобода собраний, свобода мнений.

Полисмен, который несколько раз в день спускается в уборную для отправления естественных надобностей, изволит даже добродушно шутить с ними:

— А, пожалуй, вы не хуже себя чувствуете здесь, чем Гувер в белом доме! — острит полисмен. — Что касается меня, то я ничего не имею против вашей резиденции. Но об одном прошу, не выходите на улицу пачками, ваш вид шокирует наш муниципалитет!

В холодные ночи уборная служит безработным для ночлега. Одно из пятнадцати отделений городской уборной ночью, после двенадцати, безработные закрепили за Вилли Майкелем, до двенадцати в ней сидя спит Джон Лэнч.

Когда городская уборная наводняется безработными, оптимист Вилли пытается внести надежду в бунтующие ряды.

— Наступит весна, а там лето, пойдет строительство, потребуются рабочие руки, тогда мы оставим это вонючее местожительство.

— Пой, пой! — огрызается кто-то, — ты сегодня, наверное, выпил кофе сверх нормы.

— Ах кофе и кофе кэйк!

— Все, все будет, дайте только наступить лету!

Прошла весна, наступило лето, но впереди не было никаких перспектив.

— Вилли! — встречали Майкеля в уборной. — Ты ничего не слышал?

— Нет.

— Городской муниципалитет намеревается выстроить еще одну городскую уборную как жилище для безработных. Вот нам работы будет! Об этом строительстве ты нам говорил осенью?

— Подождите, пусть пройдут президентские выборы, увидите, какое процветание начнется в нашей стране, — спорил Вилли Майкель.

Но постепенно оптимизм Вилли испарялся.

Однажды Майкель спустился в уборную муниципалитета.

— Все ли в сборе? — обратился он к безработным.

— Голодные здесь, сытые еще разгуливают по паркам!

— Хотя я попрежнему верю в мощь и перспективы нашей страны и нашего президента, однако я вас призываю к достойному протесту против голода. Кто желает получить горячую пищу?

— Все желаем!

— Хорошо! — сказал Вилли. — Завтра в два часа дня на этом месте мы все встретимся. Мы все должны предварительно побывать у парикмахера, у чистильщика сапог.

В ресторане „Свобода“ в три часа дня были заказаны все кабинеты. Лучшие закуски, горячие блюда, фрукты подавали в кабинете.

Вилли Майкель обошел все кабинеты и просил своих друзей, которых он впервые встретил в уборной муниципалитета Нью-Йорка:

— Ребята, что вы еще хотите?

— Папирос, сигареток хотим!

Когда во всех кабинетах одновременно закурили, сверху спустился владелец ресторана.

— Джентльмены, я очень польщен, что вы посетили мой ресторан. Не прикажете ли еще что-нибудь вам подать?

— Подайте нам счет, — сказал Вилли Майкель.

И когда счет был подан, Майкель со всеми безработными, не видевшими долго горячей пищи, хором запели:

„Отправьте счет мэру города“...

Д. Куни.

С КРЫЛОВЫМ ПОПОЛАМ

МЫШЬ И КРЫСА

„Соседка! Слышала ль ты добрую молву? — Вбежав, сказала крысе мышка. — Ведь кошка, говорят, попала в когти льву Нам, значит, будет передышка!“

„Не радуйся, мой свет, — Ей крыса говорит в ответ, — Я и теперь дрожу от страха. Сильнее кошки зверя нет, Коль это — кошка Авербаха!“

Все у трусливого растет в его глазах, — Я это давеча и на себе заметил: Я Селивановского встретил, А показалось — Авербах!

СИНИЦА

Синица на море пустилась.
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Все перетрусил, такую слыша речь.
Ждут, беспокоятся: когда ж пожар все-ленский?

Пожара не было.

А был Бруно Ясенский, — Тот сделал все, что мог: Сказал: „Я жгу Париж“ — и... кажется, не сжег?!

Эмиль Кроткий.

— Ну, где же ваш гвоздь?
— Идите на 7-ю страницу.

ЗА ВЕЧЕРНИМ чаем в семье бухгалтера Ергунова разговор всегда вертится вокруг одной темы, какая профессия теперь самая нужная, самая удобная и выгодная?

Это неудивительно, если принять во внимание, что сын Ергунова кончает семилетку, а дочь Ксения мучительно хочет выйти замуж. Правда, она упорно отрицает свое стремление к замужеству и даже находит в себе силы гордо фыркать:

— Хай! Какие теперь мужья! Какие теперь браки! Я вообще считаю, что сейчас замужество и семья — устарелый пережиток!

Но мать Ксении знает много такого, что не знает никто из ергуновской семьи, и не зря бережет в шкафу коробку специальных „гостевых“ конфет, бутылку домашней наливки и заветную банку вишневого варенья.

Разговор за чаем начинается обыкновенно сын Андрей:

— А знаешь, папка, я передумал! Я, наверно, в агрономы пойду. Мне Лешка Курбатов рассказывал, к ним вчера знакомый агроном приехал, привез яблок, груш и еще всякой всячины. У них там свое опытное хозяйство. И лошадь полагается, верхом можно ездить. Мы с Лешкой решили в агрономы итти. Груши ужасно вкусные...

Отец бросает колоты сахар и из-под очков с укором глядит на сына:

— Дубинушка! Вырос выше отца, а рассуждаешь, как семилетний мальчишка! Вчера хотел быть строителем, третьего дня в актеры просился. А нынче — он агроном. Груши ему, извольте видеть, понравились! Так из тебя ничего не выйдет! Ничего!

Мать заступается за Андрея:

— Что ж, агрономам не так уж плохо живется. Смотри-ка вон капуста-то почем... помидоры... А у них все свое.

— Ты, матушка, все насчет жратвы. Тут вопрос серьезней. Тут о будущей карьере разговор. Тут с государственной точки зрения надо смотреть.

— А по-моему не с государственной, а где посытнее. Из карьеры-то шей не сваришь, а из капусты...

— Во всяком случае, — перебивает Андрей, — во всяком случае не буду, как папашка, корпеть над разными мемориалами!

Отец обижается.

— Во-первых, я не папашка, а отец! А во-вторых, ты еще дорости, дурак, до моей специальности, а потом и говори! Счетные работники теперь на вес золота. Да, да... Вон Ксения тоже задирает нос: фу, счетовод, фу, бухгалтер! А чем, я вас спрашиваю, бухгалтер хуже агронома или какого-нибудь новоиспеченного врача?

Слова отца задевают Ксению. Полгода назад она отказала сослуживцу отца, счетоводу Карасеву, потому что была влюблена в медика Грищенко. Теперь Карасев — бухгалтер-экономист и женился на подруге Ксении, а Грищенко уехал куда-то на новостройку.

Ксения вспыхивает и вступает в разговор:

— Всех бухгалтеров и счетоводов рано или поздно заменят счетными машинами. Кому вы нужны? А врачей ты совершенно зря приплетаешь. Врачи были, есть и будут!

Ергунов презрительно усмехается:

— Удивляюсь, какой дурак мог вбить вам в голову эту ересь о счетных машинах. Наверно, какой-нибудь свежеспеченный медик, который кричит об омоложении, а сам печенки от селезенки отличить не может!

И поглядевши в упор на Ксению, отец иронически разводит руками:

— Вы мне еще какого-нибудь педагога в пример поставьте!

Педагоги упомянуты опять не зря: последние два месяца за Ксенией явно ухаживает „забчник“ Ярошевич, который очень не нравится Ергунову своим громадным аппетитом и маленьким заработком.

Но тут из-за самовара раздается тихий голос матери:

— Ты, Николай, напрасно так уж всех ругаешь. По-твоему, кроме бухгалтеров да счетоводов, уж и людей на свете нет. А вон смотри-ка, как про педагогов много писать стали. И авторитет, мол, им нужен и то, и се... А уж раз про авторитет заговорили, — обязательно ставку повысят.

И мать украдкой смотрит на Ксению. Но Ксения только что вернулась от подруги, где познакомилась с кинорежиссером, очаровавшим ее рассказами о своей работе. Поэтому педагоги нынче котируются у нее очень низко. И мечтательно подняв кверху глаза, она вдруг заявляет:

— Знаешь, Андрей, на твоём месте я бы обязательно пошла в кино. Ты так замечательно прыгаешь. И фигура у тебя очень фотогеничная.

Андрей немедленно начинает показывать свои артистические способности: обматывает голову каким-то шарфом и прыгает через стулья.

Отец сердится и ругает Андрея дубиной, а мать думает о том, что готовить на завтра и, перетирая чашки, говорит сыну:

— Вот только не захочешь ты, Андрей, а то как бы хорошо в кооперацию пойти. Смотри, вон Сергей Сергееч из магазина сколько всего приносит.

Но Андрей не слушает ее. Он уже забыл о том, что хотел быть агрономом, и с жаром рассказывает сестре, как интересно быть военным летчиком...

Перед сном Ергунов еще раз ругает сына дубиной и оболтусом и говорит о том, что счетные работники на вес золота. Мать долго копошится на кухне и, вернувшись, изумленно качает головой:

— Господи, сколько есть на свете разных специальностей! Вон Анна Степановна говорит: ее сестры зять поехал куда-то на Северный полюс моржей, что ли, ловить. Тоже ведь специальности!

Уже раздеваясь, Ксения вспоминает, что одна из ее подруг выходит замуж за иностранца, и кричит матери через дверь:

— Мама! Ты знаешь, я хочу поступить на курсы иностранных языков. Лелька Сулова выходит замуж за англичанина, и вообще сейчас очень большая нужда в переводчиках. Я буду совмещать!

Мать тяжело вздыхает, смотрит на грузную фигуру засыпающего мужа, вспоминает его слова о том, что счетные работники теперь на вес золота. И ей вдруг приходит на ум глупая и смешная мысль: „сколько можно было бы получить товаров в Торгсине на пять фундов и двенадцать фунтов, которые весит Николай Егорыч.“

Выходит так много, что трудно счесть. И она засыпает, улыбаясь...

Вас. Лебедев-Кумач.

ВЫХОДНЫЕ БУДНИ

- Ох, и устала же я сегодня!
- Сверхурочные, что ли, были?
- Да нет! Просто выходной день!

ПАНОПТИКУМ

УМНАЯ ДЕВОЧКА И ПРЕЗИДЕНТ

Некая американская девочка при встрече с президентом сказала ему:

— Дядя президент, правда ли, что у американских рабочих нет хлеба?

— Правда, деточка! — вздохнул президент.

— Тогда пусть они кушают сухарики с маслом.

Пораженный умом девочки, президент в ближайшей своей предвыборной речи вставил предложение девочки как рецепт окончательной ликвидации кризиса и возврата к „процветанию“.

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

Однажды некий гражданин попросил у другого:

— Одолжите пять рублей!
— У меня есть только два рубля, — неохотно ответил спрошенный.

— Ничего, — дайте два, а три будут за вами, ничуть не смутившись, сказал первый.

Приблизительно такой же случай произошел недавно с Румынией, попросившей очередной заем у Франции. Но так как Франция отказала даже в двух рублях, то правительство с горя вышло в отставку.

СЛАВНАЯ ПОБЕДА

Один из славных соратников Чан Кай-ши, вернувшись после очередного похода против китайской Красной армии, делал доклад своему начальству.

— Поход окончился блестяще! — сказал генерал. — Мы обратили в бегство главные силы Красной армии.

— Не может быть! — обрадовался Чан Кай-ши. — Вы генерал. Жалую вас орденом большого гоминдана.

— Но, — осторожно продолжал генерал, — дело в том, что мы бежали впереди, а Красная армия — за нами.

ВЕРХ ВЕЖЛИВОСТИ

Когда Германия обратилась к державам с требованием вернуть ей захваченные по версальскому договору колонии, державы горячо откликнулись.

— Сделайте одолжение, — заявил представитель Англии. — Мы абсолютно не возражаем против того, чтобы вам вернула колонии... Франция.

Франция так же любезно согласилась на возвращение колоний Бельгией. Бельгия не менее вежливо уступила очередь Японии. А Япония ни звуком не возражала против передачи колоний, находящихся у Англии.

Так из-за чрезмерной вежливости ничего и не вышло.

А. Топиков

ЗАВМАГ: — Батюшки! Должно быть товарищ Каганович был у нас в магазине, а никто его не заметил.

М. Храпковский

Жил-был
На свете воробей,
Московский воробьишка...
Не то, чтоб очень дуралей,
А так себе! Не слишком!.

Он скромн был
Превыше сил,—
За темпами не гнался
И у извозчицких кобыл
Всю жизнь он столовался...
И снеди этой вот своей
Не проморгал ни разу...
И за хвостами лошадей
Следил он в оба глаза.

Хвостатый встретивши сигнал,
Он вмиг, без передышки,
За обе щеки уплетал
Кобылкины излишки.
Такое кушанье, оно —
Не всякому подспорье:
И возразить бы можно, но...
О вкусах ведь не спорят!

Но вот в Москве с недавних пор,

Индустриально пылок,
Победоносный Автодор
Стал притеснять кобылок!
Индустриальною порой
Кобылкам — передышка!
И от превратности такой
Надулся воробьишка.

И удивленный, как никто,
Он понял, хвост понуря,
Что у кобылок и авто
Есть разница в структуре!

„Благодарю! Не ожидал!
Мне кто-то гадит! Ясно!“
И воробьишк возроптал,
Нахохлившись ужасно:

„Эх, доля птичья ты моя,
Жить прямо же нет мочи!
Ин-дус-три-а-ли-за-ци-я
Не нравится мне очень!“
И облетавши всю Москву,
Он с мрачностью во взгляде
Сидит часами тщетно... у
Автомобилей сзади...

Мораль
Едва ль
Вам здесь нужна?
Но, если все же нужно,
Извольте, вот она
Ясна и прямодушна:
Не мало все ж, в конце концов,
Осталось, к их обиде,
В Москве таких вот воробьев,
Но... в человеческом виде!
Мы строим домны, города,
А он брюзжит в окошко:
„Магнитострой, конечно, да!
Ну, а почему картошка?
А?!

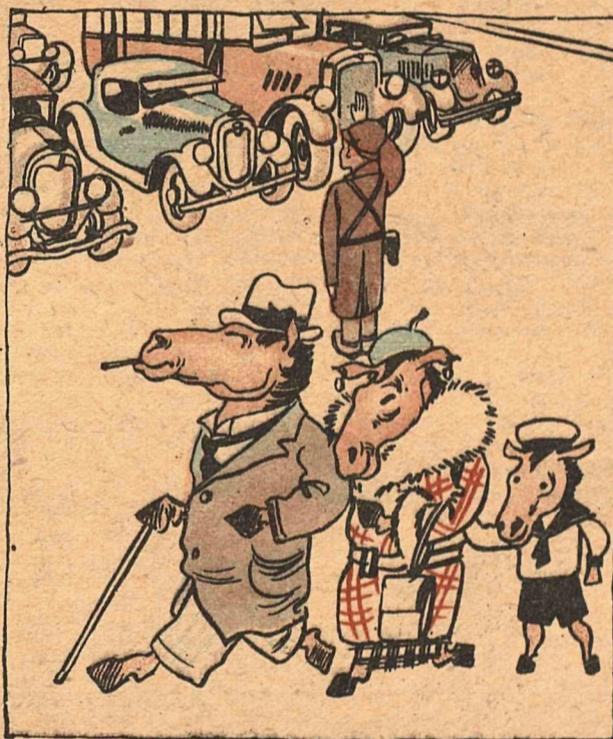
Н. Акивицев

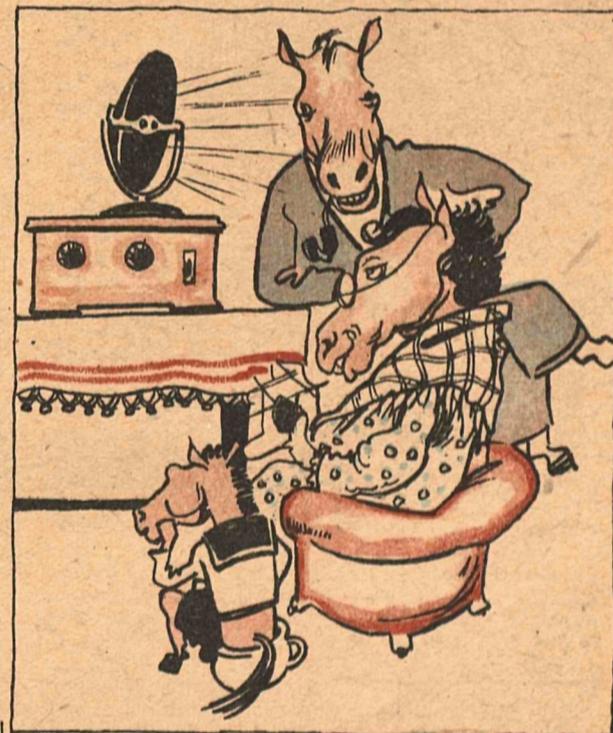
1. Репертуар Большого театра подогнали довольно легко.

2. В зоологическом саду потребовались небольшие изменения. Злой кучер был посажен в клетку льва.

3. Милиция быстро освоилась с фланерами нового вида.

4. И только слушая ржанье, исходящее из радиорупора, лошади были вполне удовлетворены.

В ПРИПАДКЕ РАСКАЯНИЯ

(Шутка)

Кооператор, осужденный на 5 лет заключения, сидел у окна своей камеры и с тоской смотрел на волю.

Из глаз его капали крупные, прозрачные слезы. Юный пионер, проходя мимо исправдома, остановился возле окна камеры и, посмотрев на заключенного, сказал:

— Ничего, старик, не унывай. Советская власть не наказывает, а исправляет!

— Спасибо тебе, добрый мальчик! — почувствованно произнес старый самоснабжала-растратчик. — Твой нежный голосок и доброе сердце еще более тронули меня. Раскаяние гложет меня. Оно не дает мне покоя!

— Ну, ну, дяденька, не огорчайся, — расчувствовался пионер, — раз ты раскаиваешься — значит, еще ничего не потеряно.

Но заключенный начал рыдать еще сильнее и ударился головой о решетку.

— Так мне и надо, старому идиоту! — кричал заключенный сквозь слезы. — Туда мне и дорога, патентованному ослу. Слушай, мальчик, я растратил 10 тысяч рублей и получил 5 лет исправдома.

— Ничего, старик, — растроганно сказал снова пионер, — веди себя только хорошо. Авось, попадешь под амнистию.

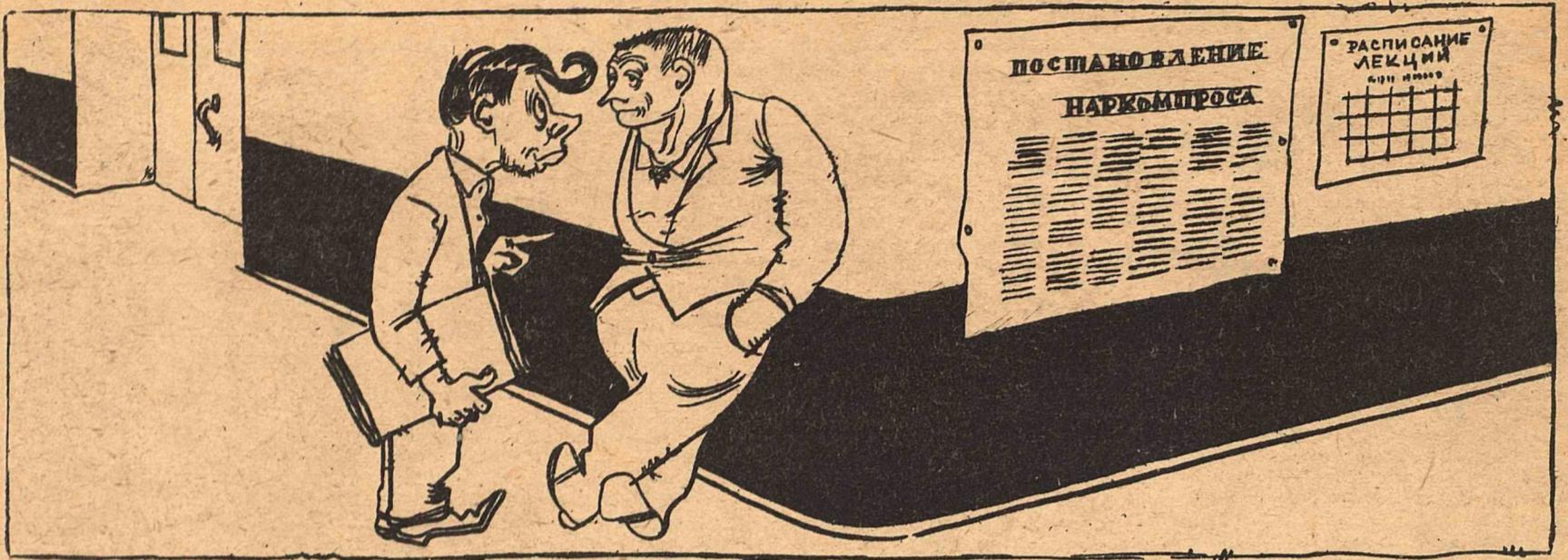
— Не в этом дело! — снова простонал растратчик. — Я ведь, старый осел, мог растратить гораздо больше. У меня на руках было 30 тысяч казенных денег. Я отсидки все равно столько же. Поделом мне, старому идиоту!

И заплакал еще сильнее.

Бен-Гали.

— Но это же самые обыкновенные звезды!
— Не совсем! Это — продукция завода им. Рудзутака, и их продают на омском колхозном базаре по 69 коп. за штуку!

— Квартира, стипендия, каникулы — со всем этим я готов примириться, но учиться — это уже слишком!..

О Л И Р И К Е

МОЖЕТ БЫТЬ, оттого, что на городском бульваре по вечерам беспредметно и необоснованно пряно запахла левкой, может быть, оттого, что ветер с моря прилетал в город, как задорная песня о молодости и удаче, а может быть, и оттого, что в Замойск пришли газеты из центра с какими-то страшными статьями об искусстве, — редактор „Замойского катушечника“ сказал поэту Васе Грибакину, посмотрев куда-то в сторону:

— Можете написать что-нибудь этакое?..

— Какое? — испуганно спросил Вася, опасаясь срочного заказа истории коммунального ассенизационного обоза в бодрящих певучих стихах для очередного номера.

— Ну, вот такое, — с трудом выдавил из себя редактор, — лирическое...

От неожиданности в васиных руках распалась уже готовая самокрутка. Уже около двух лет тайком от неумолимой замойской общественности Вася писал лирические стихи. Он писал о легчике, который потерял мистицизм, в первый раз врезавшись в облака, о комсомолке, обсадившей цветами ясли, о старике, плакавшем под песни молодежи. Но так как в стихах не было ни точных цифр о средней яйценосности в Замойском районе ни конкретных цитат о конском поголовье в уезде, — то с каждым новым стихотворением Вася чувствовал себя, как закоренелый преступник. И вдруг сам редактор „Замойского катушечника“, уныло посасывая левый кончик бороды, открыл шлюзы васиной души.

— Ну, что же, можете?

— Могу, — робко уронил Вася. — А насчет чего лирическое: насчет союза швейников или, наоборот, насчет борьбы с сусликами?

— Обыкновенное, — сухо отрезал редактор, — с любовью. Со звездами. Со скамейкой, с птицами и вообще. Завтра принесите подробный план. Одобрим, — пишете.

Целую ночь Вася сидел у себя за перегородкой и набрасывал план лирического стихотворения. В голове, как вспугнутые воробьи, мелькали отдельные строки, луна наседала на тюльпаны, соловей мешался со скамейкой, волна догоняла затаенный вздох, но над всем, как уют на веревочке, висело редакторское распоряжение о плане и, сдерживая необузданные влеты творчества, Вася писал на листке из блокнотика аккуратные, пронумерованные строчки плана:

1. Сидение на скамье.
2. Смотрение на луну.
3. Нюхание цветов.
4. Держание за руку.
5. Говорение слов.
6. Любовь как таковая.
7. «И ты ушла, и я ушел, и оба мы ушли».

На другой день редактор недоволено и кисло смотрел на Васю Грибакина и вертел в руках представленный ему план, делая на нем пометки большим синим, тупо очиненным карандашом.

— Вот вы пишете: сидение на скамье. Так. Скамью, конечно, в искусство можно ввести, не протестую, — но кто именно на ней сидит?

— Он, — вздохнув, ответил Вася и значительно тише добавил:

— И она также. Двое.

— Цифровое обозначение здесь ни при чем, — остановил его редактор. — Здесь важны социальные корни. А может, это бывший архиерей и вдова генерал-губернатора на скамью уселись?

— Они же старые, — робко защитился Вася.

— Ну, как знать, — подозрительно посмотрел на него редактор, — а может, они еще сохранились? В соку еще? А вы их в советском стихотворении на скамью садите!

— Так у меня ж не они сидят...

— Вот, вот. Значит, надо, чтобы все было ясно, что, мол, сидят на скамье активисты, люди с хорошим профстажем, членские взносы платят аккуратно, общественную нагрузку несут...

— Это же сколько строк, — безнадежно мигнул Вася, — сначала о нем, потом о ней...

— На то и лирика. Поэт все должен уметь. Техника стиха!.. Значит, сделайте вы его... ну, скажем... текстильщиком... Впрочем, нет. У них в облодке что-то неладно. Пусть он будет у вас счетоводом, сдавшим годовой баланс за две недели до срока. Слышите? Запишите, чтобы не забыть.

— Записал.

— Такой человек и на луну немного посмотреть может и цветок понюхать имеет право... Да что там говорить, — теперь не восемнадцатый год, пусть уж и птицу какую-нибудь послушает...

— А она?

— Она — дочь станционного кассира, — уже увлекшись, говорил редактор, — в лирике уже давно не было попыток разрешить узловые проблемы транспорта... Об отце можете всего несколько строк и то только в связи с недогрузкой вагонов... Не утяжеляйте особенно лирические строки. Лирика должна быть легка и певуча... Вот тут у вас есть пункт четвертый: „Держание за руку“. Это выбросьте.

— Почему?

— Неудобно. Вдруг ему на собрание месткома надо итти, а она его за руку держит. Лирика — лирикой, а срывать общественную работу в глазах массового читателя неудобно... Вот и второй пункт философски неясен. „Смотрение на луну“... С одной стороны, конечно, луна — общественное достояние, но почему именно на нее?

— Да ведь вечер же...

— Мало ли что вечер. В городе музей сельскохозяйственной культуры открыт, а они на луну пошли смотреть. Бестактно. Как-нибудь уж выкрутитесь: шли, мол, в музей, но пошел дождь, вот они и сели, между прочим, на скамейку...

— Хорошо.

— А то и совсем этот пунктик выкиньте. Пункт шестой — „Любовь как таковая“ — тоже, пожалуй, не надо. Не стоить. Не ко времени как-то. Кампания по сбору утильсырья на носу, а вдруг мы в литстрианичке о любви разведем волюнку. Пройдет кампания, — тогда другое дело. Вот этот пункт — „Говорение слов“ оставьте. И даже расширьте. Углубите его. Пусть он несколько слов о фотокружке на предприятии скажет, она, допустим, его проинформирует насчет, ну там, целевых сборов, что ли, или насчет кассы взаимопомощи... Любящие ведь люди, надо им поговорить о чем-нибудь личном, интимном. Лирика ведь... А потом и конец у вас удачный: „и ты ушел и я ушла“. Только не забудьте указать конкретнее, куда именно ушли.

— А куда? — хрипло спросил Вася.

— А это уж куда хотите. Вы — поэт. Я не хочу стеснять свободу творчества. Я против всякого администрирования. Укажите, что он, мол, пошел сводить контрольные цифры, а она тоже куда-нибудь: Ну, скажем, малую советскую энциклопедию дочитывать... Ясно? Берите ваш планчик. Только, пожалуйста, завтра к утру и не больше шестнадцати строк...

Всю ночь Вася Грибакин писал и плакал. Через четыре дня в литстрианичке „Замойского катушечника“ под общим заглавием: „Дорогу лирике!“ появилось стихотворение Васи Грибакина.

ВПЕРЕДИ!

Не было скамейки и луны,
Не было цветов и соловьиной трели,
Не были друг в друга влюблены
Счетовод Петров и дочь кассира — Нелли...
Он сказал: „Я кончил свой доклад“,
А она ответила: „Прекрасно“.
После этого пошли они назад,
Оттого, что стало все им ясно.

В центральных изданиях писали о праве на лирику.

— И действительно, пора, — убежденно сказал редактор „Замойского катушечника“, — лирика — это великое дело... Мы-то из первых откликнулись!

Арк. Бухов.

ОДОЛЖИТЕ ВОЗДУХА!

— Механизация? У нас на железомонтаже проката? Вы смаетесь, если спрашиваете об этом! Не можем же мы надеяться вычерпать море ложкой, товарищ „Крокодил“! Механизация у нас — вво!

При этом собеседник „Крокодила“ оттопырил кверху большой палец правой руки, а левой произвел над ним сложные манипуляции: сначала прикрыл открытой ладонью, а потом что-то посыпал на него щепотью.

Полюбовавшись на большой палец уважаемого товарища, „Крокодил“ повернулся влево и спросил:

— А это, извините, что же?

— Это? Это монтаж здания для стана № 500. Стан этот, должен вам сказать, больше самого большого в мире и...

— Нет, нет! Стан станом, а что вон тот товарищ на колонне делает? Ковыряться в ней, как зубной врач во рту.

— Он, извиняюсь, дыру у колонны расверливает.

— Вручную?

— Ммм... тут заминочка вышла. Есть у нас товарищ Власов, механик железомонтажа, так вот с ним, извините...

— А там что товарищи делают? Тоже руками попросту?

— Видите, на этом месте тоже заминочка. Это исправление гнутых конструкций. Есть у нас, как говорилось, товарищ Власов, механик железомонтажа, а есть еще товарищ Седельников, тоже механик железомонтажа. Вот с ними заминочка. Надо вам сказать, что воздушную магистраль к этому участку фронта работ тов. Власов никак не доделает. Воздуху, стало быть, нет, сверлят вручную. Тоже и с конструкциями. Чтобы их исправлять механизмами, — форсунки нужны. Товарищ Седельников их два месяца делал, — не сделал. Тогда товарищ Власов взялся. Ну, этот парень боевой — в две недели выгнал форсунки. Правда, они непригодные вышли, форсунки-то, а все-таки!

— Так-с... — помотал „Крокодил“ вилами в воздухе. — А там что?

— Там? Ничего интересного: монтаж здания под блюминг идет. Но ничего интересного, предупреждаю вас, товарищ „Крокодил“.

— Перерыв обеденный, что ли? Народишко как-то расплзается?

Собеседник отвернулся и промолчал. Потом сообщил:

— Так-с... — помотал „Крокодил“ вилами в воздухе. — А там что?

— Там? Ничего интересного: монтаж здания под блюминг идет. Но ничего интересного, предупреждаю вас, товарищ „Крокодил“.

— Перерыв обеденный, что ли? Народишко как-то расплзается? Собеседник отвернулся и промолчал. Потом сообщил:

— А вот, изволите видеть, самый блюминг разложен на земле. Уже в порядке монтажа. Очень интересно.

— Нет, вы мне лучше про тех товарищей, что расплзаются. Почему они так? И кто они такие?

— Они-то? Обыкновенные товарищи: такелажники, верхолазы там, сверловщики, клепальщики...

— Почему же они все-таки... Но собеседник решительно перебил:

— Товарищ „Крокодил“, правда говорят, что у вас в Москве есть люди, которые воздухом торгуют?

— Были. Торговали. Сейчас ликвидированы. А что?

— Неужели ликвидированы? Вот жалость-то! Нам бы хоть парочку!

— Зачем же?

— А мы без них, как без рук: воздуха у нас нет. В компрессорах, на работах. Вон там вы изволили предположить обеденный перерыв, а он у нас компрессорный, перерыв-то: компрессор станет, станут клепальные молотки, станут и сверильные машины.

— Почему же становятся компрессоры?

— А кто их знает? Во-первых, смазываем их чорт знает чем. Во-вторых, листовые клапаны никак не подготовит наш механический цех, в-третьих, навесов нет над компрессорами, — разогреются на солнышке — и стоп! Охлаждения-то у них не имеется. Ну, наконец, под самый лучший компрессор никак не можем фундамент сделать. Вот и все.

— Опять спрошу: почему же вы не сделаете навесы, фундамент, клапаны и все прочее?

Он даже обиделся:

— Смаетесь, товарищ „Крокодил“? У нас фронт работы-то какой? Больше квадратного километра. Строим величайший в мире прокатный цех, а вы хотите, чтобы мы ерундой занимались, — навесишки какие-то по полтора квадратных метра строили, фундаментишки по три кубометра лапали! Да нас вся Европа засмеет!

— Значит, у вас механизация — вво?

— Вво!

— И больше ничего?

— И больше ничего.

Вл. Павлов.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Шофер челябинской „Скорой помощи“ рассказал „Крокодилу“ несколько фактиков из своих наблюдений над бытом.

1. Оживленная дискуссия

Инструктор ФЗУ Челябинского тракторостроя Андроников — человек очень активный. Он болеет душой за качество учебы. Недавно как-то Андроников и еще несколько таких же активистов до глубокой ночи обсуждали учебную программу ФЗУ.

Дискуссия приняла оживленный характер.

Один из участвовавших до того разгорячился, что залез под стол и уснул там.

Другой нечаянно попал головой в помойное ведро.

Наконец, сам Андроников методично и упорно внаштал свои мысли участникам путем кулачных ударов по чужим головам.

Разрешился этот теоретический культурно-научный спор прибытием кареты „Скорой помощи“, забравшей всех участников.

2. Больше воздуха

Директор фабрики-кухни № 1 и шофер Черняев тихо беседовали в городском ресторане. Посторонний человек вряд ли заметил бы их, так как они были целиком заставлены батареей пивных бутылок.

В самый разгар этого мирного препровождения времени директор почувствовал себя неважно и сказал своему приятелю:

— Воздуху что-то мне нехватает. В грудях тесно.

— Пустяки, — ответил шофер, вызвал по телефону карету „Скорой помощи“ и начал раскатываться по Челябинску со скоростью 100 километров в час.

И что же? Через какой-нибудь час одышка у директора совершенно прошла без всякой врачебной помощи.

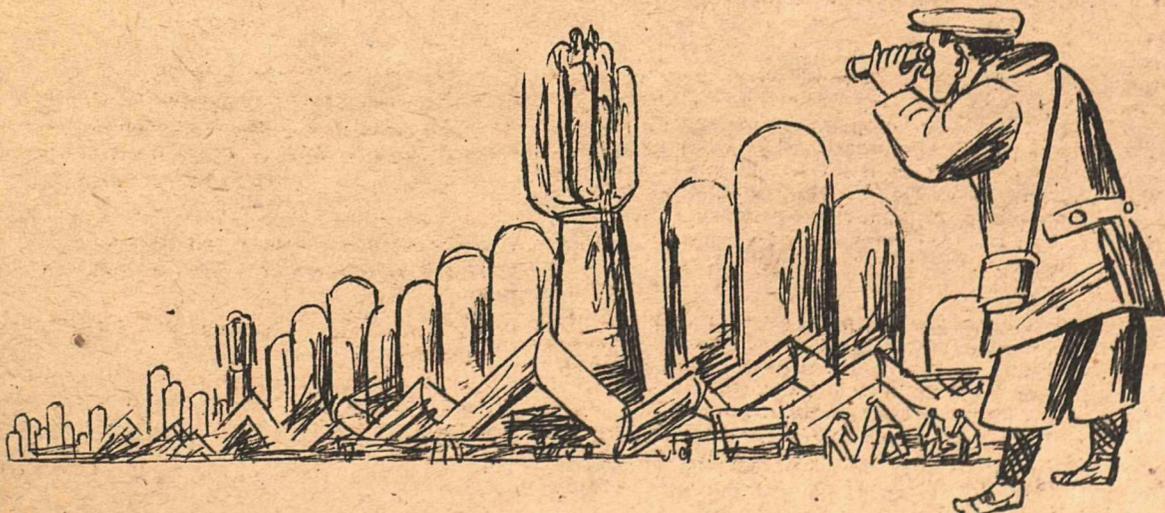
Отсюда видно, как полезна „Скорая помощь“. Но, к слову сказать, в описанных случаях ей, собственно говоря, нечего было делать. Требуется скорая помощь совсем других инстанций.

Б.

А У!

Магнитогорцы должны выравнять темп работы, чтобы успешно продвигаться вперед с 48-го места среди ста одной домын Союза, которое они заняли в сентябре.

Л. Генч

— Товарищи, а не видели ли вы случайно, где магнитогорская домна?

КСТАТИ О ВАЛЕНКАХ

Некоторые люди предсказаниям погоды не верят. Мало ли что там говорит метеорологическая станция? Определять погоду можно гораздо легче и вернее. Прекрасные указания о наступлении времен года дает, например, иногда кооперация.

Так, когда в окнах кооперативных магазинов появляются валенки, пьексы, меховые шапки — все сразу догадываются, что зима окончилась и на-днях начнет цвести сирень.

Челябинская кооперация точно так же увлекается метеорологией. Дует холодный ветер, началась глубокая осень, на носу зима. Рабочие и ИТР Челябинского тракторостроя, особенно приехавшие с юга, со страхом подумывают о том, где достать на зиму теплую одежду, белье, валенки, шапки и прочие зимние принадлежности.

Кооперация давно получила авансы на эти вещи, пора начинать выдачу, но на-днях ЗРК Челябинского тракторостроя объявил роскошный распродажу... маек и трусиков, на участке номер-7.

Мы не против маек и трусиков, пусть продает. Но мы сильно потрухиваем. Не ограничатся ли заботы кооперации о встрече зимы этой бурной распродажей трусиков.

О зимней одежде, по крайней мере, пока не слышать. Хотя довольно трудно представить себе в самый разгар монтажа завода, этап градусов в тридцать мороза, монтажников в трусиках и майках.

Гех.

БЕГЛЫЙ ОГОНЬ

РАБОТА СРЕД. МЕРТВЕЦОВ

Самаровский рик, Уральской обл., одного трагичаина по случаю смерти снял с учета, а другого, наоборот, зачислил, при чем оба воинских билета прислал в сельсовет для вручения владельцам.

Постановка просто детская, — Для насмешек много пищи: С этой гибкостью мертвецкою Превратится рик в кладбище!

С МАЯ МАЕТ...

Уралмаш должен был К МАЮ сделать станины для прокатного цеха ТИРАЯНСКОГО завода. СЕГОДНЯ, 18/Х, станины отлиты, однако лежат не обрванными и необточеными.

В Уралмаше безотрадны картины, — Ожидай заказа, словно милость: Потому и не обточены станины, Что ответственность за это при- тупилась!

Л. Генч

— Мама, что это — учитель арифметики?
 — Кто тебе сказал?
 — А почему у него плюс на груди?!

В И Л Ы В Б О К

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

В Ростове-на-Дону — тревога! И тревога, надо полагать, серьезная, если краевой совет профсоюзов выпускает специальную печатную листовку с кричащим заголовком:

„Тревога за соцсоревнование“.

Из листовки следует, что

„Ударники полей, шахт, заводов и новостроек каждый день и час приносят новые невиданные победы на фронте соцстроительства. Между тем, у нас в АППАРАТЕ КРАЕВОГО СОВЕТА ПРОФСОЮЗОВ, аппарате, который руководит, возглавляет миллионную организацию членов союзов края, аппарате, который ДОЛЖЕН ВОЗГЛАВЛЯТЬ ударничество — в этом аппарате НЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ, НЕТ УДАРНИЧЕСТВА“.

Затем листовка эпически констатирует, что „так продолжаться дальше не может“.

В том-то и беда, что может! Это чистосердечное признание было опубликовано 1 октября. Однако и до сих пор Северокавказский крайсовпроф „все в той же позиции на камне сидит“.

Мы-то считали, что командиры (хотя бы и профсоюзные) всегда впереди своей армии. Оказывается, они плетутся в обозе третьего разряда. Уж не унтер-офицерская ли вдова сидит в местном крайсовпрофа вместо командира?

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМАНДИРОВКА

Колхоз „Красный Остров“, Кармянского района в Белоруссии, командировал колхозницу Лашкевич со следующим поручением:

„Выдана члену колхоза „Красный Остров“, Коротковскому сельсовету, Лашкевич Лумьяне Андреевне в том, что она направляется в гор. Гомель для покупки для вышеупомянутой артели горюлки, т.-е. хлебного вина для нужд колхоза 10 литров.“

Председатель Ф. Шатло
 Счетовод (подпись неразборчива).

Что же это за особая нужда у колхоза „Красный Остров“? А впрочем, догадываемся! Нужда в перевыборах правления!

ХВАЛЕНАЯ БЫСТРОТА

На-днях на улице пришлось подслушать такой разговор:

— Ты скоро вернешься?
 — С быстротой молнии.
 — Э, нет, батенька, это не годится. Ты уж поторопись как-нибудь.

Скептицизм этого мрачного человека на-днях объяснился. Оказывается, телеграмма-молния № 2688, отправленная из Москвы в Воронеж (в адрес Расмаслосбыта), шла ровным счетом 20 дней. Телеграмма совсем не шуточная — об отгрузке 500 тонн масла.

Если с такой быстротой идет молния, то через сколько же дней после выхода „Крокодила“ раздастся гром в наркомате связи?

О ВКУСНОМ ОБЕДЕ И НЕПЬЮЩЕМ ПОВАРЕ

ОБЕ СТОЛОВЫЕ „Гражданское питание № 1“ и „Гражданское питание № 2“ стояли, как в поединке, одна против другой, через дорогу.

Но точек расхождения у них как будто и не было.

Блюда в обеих столовых изготовлялись по общепартизанским уставам мелких поваров: кто как хочет, а я, как хочу.

Повара в этих столовых были наглядным доказательством от противного, подтверждающим известное положение:

„Мало заготовить продукты, — важно довести их в доброкачественном виде до потребителя“.

В сутолоке дымных кухонь и засиженных мухами помещений забывалась только мелочь: что можно и доброкачественные обеды готовить из доброкачественных продуктов и что, если хорошенько вникнуть, то посетитель столовой отнюдь не настаивает на пренебрежительно грубом с ним обращении.

Посетители с грустью, завернутой в шутиливую облатку, сообщали районной газете „Набат“:

„Столовая № 1 у нас с хвостом, как все равно лошадь. Обращение все равно, как с кроликами“.

„Делу время, а на обед в столовой № 2 — три часа. Кассирша в общем барышня и на остальных ей наплевать. Только и заботы у нее, что в зеркальце поглядывает да пудрится“.

„Даже дождик льет. С ушей каплет, и потолок № 1 прямо в суп протекает. Люди, конечно, смеются — добавочная порция!“

„Мухи. Вот где мух! Слетелись в столовую № 2, ну, наверно, со всего района. Садятся темной силой, так что пока ты кушаешь первое, тебя уже едят на второе. Конвейер“.

Из этих сообщений газета делала добросовестные подборочки под громкими заголовками:

„Неотложный долг общественности должен быть оплачен. Пора в столовой № 1 и 2 покончить с позорным прошлым“.

Но неотложный долг общественности оставался пока неоплаченным, и позорное прошлое, с которым еще не покончили в обеих столовых, безмятежно пребывало в настоящем.

Тем более, что оба заведующих № 1 и № 2 незговорчиво качали головами:

— Мало ли что в газетах пишут. Писать все можно. Если бы с пивом, — тогда, конечно, а без пива нам не подходит. Мы на хозрасчете! — Я и говорю: Какие же наши ресурсы без пива? Не ресурсы, а ничего подобного!

Тогда райпо совместно с газетой „Набат“ объявили конкурс с премиями: 1) на самый вкусный доброкачественный обед и 2) на лучшего непьющего повара.

Премии соблазнили. В обеих столовых откликнулись на конкурс. Поставили бумажные цветы на столах, повесили ленту-лозунг:

„Граждане, будьте сознательны. Не воруйте казенные ложки“.

А в столовой № 2 переименовали, кроме того, еще Дуньку в Ниобею. То-есть те же самые прежние, вязнущие во рту блюда, теперь назывались:

„Эскалоп португез бэф були; аншуа шуфлер; фри краснофлот; суп крем а ля братишка и ле котлект дэ валай“.

Посетители тут же в обратном порядке переименовали котлеты „дэ валай“ в котлеты из завали.

А жюри конкурса со своей стороны признало, что обе столовые в равной степени достойны остаться без премий по пункту первому — за вкусный и доброкачественный обед.

Но во втором пункте конкурса столовая № 1 выдвинулась вперед.

Там на кухне, у пылающей плиты, обнаружили непьющего повара.

Его вывели в лоснящейся от мослов спецовке, мокрые и натруженные его пальцы дрожали от неожиданности. Ему вручили премию. И...

Мы уже предвидим нетерпение иного читателя:

— Что же он, этот непьющий повар, напился, что ли, на радостях?

Нет, дорогой, представьте, — не напился. Он не напился. Больше того: пока этот фельетон будет набран, заверстан и отпечатан, — может быть, чем черт не шутит, в столовых № 1 и 2 пьющие повара перестанут пить. И премии будут выданы также и за вкусный обед.

Наша жизнь не ждет.

Она не любит топтаться на одном месте.

Л. Митницкий.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДЕВУШКИ

Г. Берендиф

Одни называли ее „Нуда“, другие — „Простокваша“. Третьи окрестили ее более культурно: „Мировая скорбь“.

Наружность ее тут была ни при чем. Она была девушка, как девушка. Так же, как другие, красила два старых платья, чтобы сделать одно длинное, так же загоралась при слове „заграничный“, не читала газет и любила шоколад даже из сои. И ее лицо с глуповато выстриженными бровями было скорей жизнерадостно, чем грустно.

Все дело было в ее голосе. Монотонный, ровный до зевоты, до противности, он звучал, как забытое дьячковское отпевание, как зум-зумканье комара, как зубная боль, отдающаяся в ухе. Точно кто-то лениво и равномерно водил смычком по одной-единственной фальшиво настроенной струне.

Стоило ей заговорить, — и ясный солнечный день казался пасмурным, веселые шутки — надгробными словами, лица затыгивались хмурой паутиной, и челюсти невольно стремились щелкнуть звонким собачьим зевком.

Этой девушке не везло. Она не только не могла найти личного счастья, но и по общественной линии ее встречали неудачи. В учреждениях, где она служила, ее выдвигали на профработу, но и это не помогло. Когда она была членом столовой комиссии, всем казалось, что вместо супа подают касторку, а второе похоже на жеваную промокательную бумагу. Когда ее заставили собирать членские взносы, задолженность катастрофически росла. От нее старались избавиться, как от флюса, который никак не может прорваться. И долго она путешествовала с места на место, обрастая все новыми и новыми кличками: „Квашня“, „Слякоть“, „Нудиловка“, „Гробище“, „Волянка“.

На-днях я встретил ее на улице. Она пополнела и расцвела с тех пор, как я потерял ее из виду.

— Ну что, все скачете с места на место? — спросил я нарочито весело и игриво.

Давно забытая струна уныло и ровно запиликала мне в ответ без всяких знаков препинаний:

— Нет знаете я очень хорошо устроилась меня очень ценят работаю третий год на одном месте и даже премии получаю как ударница. Неужели никогда меня не слышали я работаю в качестве дикторши на радиостанции до свидания.

„Передачу вела Колпаковская“, — мысленно добавил я и подумал: „Девушка нашла себя!“

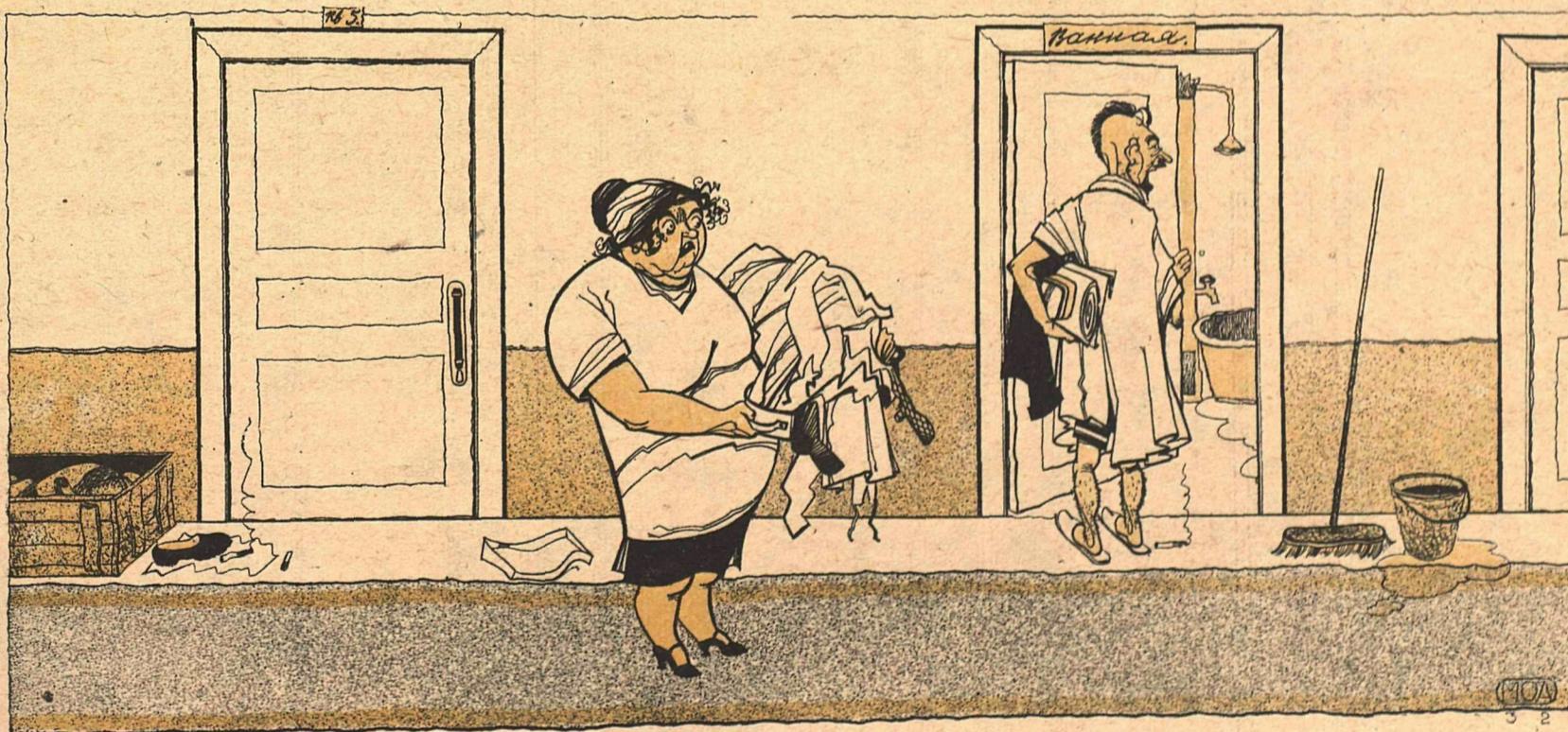
Векум.

В УЧРЕЖДЕНЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

— Не найдется ли у вас чего-нибудь фантастического?
— А вот возьмите почитать отчет нашего учреждения.

М. и О. Абрамовы

— Вот интеллигент! Мне белье стирать надо, а он мыться вздумал!..

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ || АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 3-70-16. Прием ежедневно с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24, 30 чисел каждого месяца. Подписная цена на журнал „КРОКОДИЛ“ — 60 коп. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануильский, Л. Митницкий. Зав. редакцией И. Абрамский. Ответственный редактор М. Мануильский

Москва. Изд. № 1092. Сдача текста и рисунков — 1/ХІ. Подпись к печати — 10/ХІ. Статформат А9 — 220 × 333. Печатных листов 2. Количество знаков 65.000

Уполномоченный Главлита № В-19238. 2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Суэвский вал, 49. Зав. № 2830 Тираж 400.000 экз.

112
23

АРХИВ
2 6 НОЯ 1932
Г. Ц. К. П.

42863 ✓

Московские школы недополучили за прошедший квартал
700 тысяч тетрадей.

Ю. Ганф

— Ты что гадости на заборе пишешь?
 — Простите, дяденька, это я урок арифметики готовлю...